

A glowing blue DNA double helix structure is the central focus, winding diagonally across the frame. It has a textured, almost crystalline appearance. The background is a dark, rocky landscape with some sparse vegetation, under a clear blue sky. The overall color palette is dominated by blues and greys.

ДНК: инфузи

Автор: Ири
Калинина
Мараров

Ирина Калинина

ДНК: инфузия

<https://litres.ru/74450364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дальний Восток. Забытый богом городок Ханкай, спрятанный в чаше гор и окутанный вечным туманом. Статистика здесь сходит с ума: сорок процентов новорожденных — близнецы. Но это не чудо природы, а аномалия.

Группа ученых приезжает из столицы разобраться в причинах вспышки. Все вместе они спускаются в ледяные пещеры под городом, где находят то, что ставит под сомнение законы самой биологии. Чужеродный геном уже переписывает человечество, превращая обычных детей в нечто иное.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ДНК: инфузия

Глава

ДНК: ИНФУЗИЯ

Пролог. Статистика пепла

(Зима 1976 года. Урочище Медвежий Лог)

Снег казался черным от жирной копоти дизелей, хотя ночь была ясной и лунной. Мастер Воронов сплюнул вязкую, пахнущую табаком слюну прямо на гусеницу вездехода и ткнул монтировкой в раскрытый зев керноприёмника. Из скважины тянуло жаром - сухим, нездоровым теплом, которого не должно быть на глубине четырехсот метров в вечной мерзлоте.

- Что там? Уголь нашел? - проорал техник Валера, перекрывая надсадный вой лебедки. Воронов молча выкатил гильзу на металлический настил.

На срезе черного базальта, впаянный так идеально, словно порода застывала вокруг него в невесомости, тускло поблескивал металл. Диск. Идеально гладкий, без единого шва или заклепки.

Когда Воронов коснулся его кончиком лома, сталь издала низкий, утробный гул. Звук вошел прямо в зубы, заставив пломбы вибрировать. Они положили находку рядом с термосами. И в ту же секунду тайга умерла. Ветер, крутивший

поземку последние сутки, исчез мгновенно, будто кто-то нажал рубильник выключения звука. Наступила абсолютная, стеклянная тишина, от которой зазвенело в ушах. Из трубы скважины потянулся туман. Он не поднимался к звездам. Он стелился по снегу тяжелой белой массой, пахнущей озоном после удара молнии, кровью и стерильной чистотой операционной.

Техник Валера открыл рот, чтобы крикнуть об эвакуации, но вместо крика из горла хлынула густая темная кровь. Его глаза стремительно белели, превращаясь в матовые бельма. Он упал лицом вниз, и снег под ним начал таять от жара его тела.

Спустя час вертолет МЧС забрал пять трупов. У четверых остановилось сердце. А у тридцатилетнего Валеры вскрытие показало беременность двойней. Срок - семь недель. Органов брюшной полости не было. Вместо них брюшину заполняла спутанная сеть кварцевых игл, пульсирующих холодным синим светом в такт несуществующему сердцебиению плодов.

На титановом диске, извлеченном вместе с базальтом, проступили символы. Они горели багровым огнем еще трое суток, пока лежали в сейфе районного отдела КГБ, методично прожигая легированную сталь на миллиметр вглубь.

Глава 1. Холодное дыхание

Серый вертолет Ми-8МТВ рассекал холодный воздух

словно консервный нож, разрезая своими лопостями хрустящую морозную крупу, которая периодически сыпалась из белесых облаков.

Доктор Вадим Колесников ненавидел вертолеты. Ненавидел вибрацию, которая въедалась в кости таза, и этот специфический запах - смесь авиационного керосина, разогретого металла и чего-то третьего, едва уловимого, похожего на озон.

Этот третий запах преследовал его последние полгода. Он исходил от пробирок с кровью из Ханкая, от образцов почвы, присланных анонимно, и теперь густо висел в тесном салоне винтокрылой машины. З

а иллюминатором проплывал Северный Дальний Восток. Суровая природа окружала небольшой городок Ханкай, утопающий в чаше гор. Снег скрипел под невидимыми колесами земли, морозный воздух был настолько плотным, что казалось - его можно резать ножом.

Город внизу выглядел призрачно-сказочным пряничным домиком. Но под этой внешней тишиной зрело нечто странное.

Колесников опустил взгляд на планшет. Сухие цифры статистики всегда пугали его больше, чем любые мистические откровения. 2005 год - 1,5%. 2010 год - 7%. 2015 год - 15%. 2020 год - 33%. 2025 год - 41,7%. Сорок один процент новорожденных в маленьком дальневосточном городке появлялись на свет парами. Близнецы. Однояйцевые, разнаяйцевые

- природа давно перестала играть по своим правилам. Двойни стали нормой. Тройни перестали быть сенсацией местной газеты.

- Сорок процентов генетического мусора, шеф, - Мария Полякова сидела напротив, кутаясь в армейский спальник поверх пуховика. Её карие глаза лихорадочно блестели, но руки, держащие планшет, были твёрдыми, как дерево. - Вы сами видели секвенирование последнего образца. Там, где у человека должна быть цепочка, отвечающая за пигментацию кожи, стоит код, идентичный структуре местного жильного кварца. Жильного, гидротермального.

- Кварц не размножается половым путем, Машенька, - Колесников поправил массивные очки в роговой оправе, которые делали его похожим на состарившегося профессора Преображенского.

- Если бы я не держал хроматограммы в руках лично, я бы решил, что это чья-то чудовищная шутка. Биологическая мистификация века.

- Это, больше, чем биология, - подал голос Иван Перов. Он сидел ближе всех к рампе, проверяя крепление страховочного троса своего рюкзака. Бывший спецназовец, ныне биофизик службы безопасности экспедиции, он доверял только тому, что можно прострелить или взорвать.

- Кровь одного из близнецов пары содержит ферромагнитные частицы. При воздействии низкочастотного поля образцы начинают резонировать. Частота - семь и восемьдесят три

сотых герца. Ровно столько бьётся сердце здорового младенца во сне. Только вот приборы фиксируют резонанс даже тогда, когда образец лежит в криогенной заморозке. Части разговаривают друг с другом сквозь вакуум.

Колесников вздохнул. Иван мыслил категориями войны, Мария - категориями эволюции, а он должен был удержать их обоих от безумия. Потому что факты указывали на нечто третье. Вторжение. Тихое, изящное, растянутое на десятилетия. Вертолет резко провалился в воздушную яму, желудок прыгнул к горлу. Спустя минуту толчок шасси оповестил о посадке. Снежная крупа ударила в борт с силой дробы.

Глава 2. Папка цвета слоновой кости

Лариса Андреевна стояла у окна ординаторской второго этажа. За стеклом билась январская пурга, заклепывая единственный фонарь на столбе густой ватой, но внутри, между массивных чугунных батарей, воздух был спертый, пахнущим хлоркой, старым линолеумом и бедой. Она ждала этих людей уже сорок минут, глядя, как снежные вихри пытаются поглотить мигающий красный огонь маячка на крыше больницы. Ей было шестьдесят два года. Руки, сухие и узловатые от сорока лет работы со скальпелем, мелко дрожали, выдавая возраст, который она привыкла прятать за белым халатом.

На коленях у неё лежала папка. Картон цвета старой слоновой кости, стянутый двумя пожелтевшими аптечными резинками. Внутри скрывалась статистика, которая должна

была свести её с ума ещё десять лет назад. Не та, что шла в краевой департамент здравоохранения для красивых отчетов о демографическом подъеме Севера. Другая.

Она открыла обложку. Графики отказывались подчиняться законам биологии. 2005 год - 1,8%. 2010 год - 7,2%. Всплеск после запуска артезианской скважины №2. 2015 год - 15,4%. Географическая привязка подтверждена: район старой части города. 2020 год - 33,1%. 2025 год - 41,7%.

Сорок один процент. Почти каждая вторая мать рожала двоих. Городские власти сначала радовались федеральным дотациям на многодетность, выбивали гранты на новые корпуса. Потом места в палатах закончились физически. Пришлось ставить дополнительные пластиковые кюветы прямо в коридоре у поста дежурной медсестры.

Но пугали Ларису не цифры. Пугало то, что она видела своими глазами каждое утро в палате новорождённых. Просторная комната, залитая мертвенным, гудящим светом люминесцентных ламп. Два ряда прозрачных пластиковых боксов. И тишина. Гнетущая, невозможная тишина палаты, где лежат тридцать младенцев.

Они никогда не плакали все разом. Если заходилась криком один мальчик в левом ряду, спустя ровно две секунды ему вторил другой - точная копия первого, спящий в правом углу. Их плач был синхронен, выверен до миллисекунды, как работа швейцарского хронометра. Иногда они открывали глаза. Голубые, водянистые, бессмысленные глаза челове-

ческих детёнышей. Но Ларисе, проработавшей тут двадцать лет, казалось, что в эти моменты зрачки сужались в вертикальные щели, оценивая тусклый больничный свет с холодной, нечеловеческой любознательностью.

Скрипнула дверь. Замок был старый, английский, язычок входил в паз с мягким щелчком, который сейчас прозвучал как выстрел в этой звенящей пустоте кабинета. Двое вошли без стука. Дорогие шерстяные костюмы выглядели здесь нелепо, как инородные тела, занесенные ветром из другого мира. Они пахли морозом, одеколоном и чем-то стерильным. Первый - высокий, седые виски, лицо, вытесанное из камня. Второй - моложе, с жестким ртом и руками, которые явно привыкли скорее нажимать на спусковой крючок, чем держать ручку.

- Как долго это продолжается? - голос Первого звучал ровно, без вопросительной интонации. Будто он уточнял курс акций или спрашивал меню в ресторане.

- Десять лет, - сухо ответила Лариса, инстинктивно прижимая папку локтем к боку, пытаясь загородить собой нижний ящик стола, где лежали оригиналы анализов крови.

- Скачок пошел после четырнадцатого. Запуск новой водозаборной станции. Второй усмехнулся уголком рта. В этой улыбке не было веселья, только обнаженные десны хищника, почуявшего след.

- Совпадение? - Я врач, молодой человек, - отрезала Лариса, чувствуя, как внутри поднимается старая, почти забы-

тая злость уставшего солдата.

- У меня есть анализы крови. Хотите посмотреть на минералы, которых нет в таблице Менделеева, но которые плавают в венах трехдневных детей? Первый поднял руку, оставив напарника одним ленивым жестом судьи, прекращающего прения сторон.

- Мы посмотрим, Лариса Андреевна. Обязательно посмотрим. Вы хорошо поработали. Теперь можете идти. Ваша смена окончена.

Это не было просьбой. Когда он говорил, воздух в ординаторской стал плотнее. Давление упало. У Ларисы заложило уши, а затем внутри черепа разлился странный, успокаивающий холод, гасящий панику. Спорить расхотелось. Страх ушел, оставив после себя только пустоту профессионального выгорания. Она молча кивнула, взяла со стула потёртую норковую шубу, пожелтевшую на плечах, и вышла в коридор.

Проходя мимо поста дежурной медсестры, она бросила последний взгляд на стеклянную стену детского отделения. Младенцы спали. Все до единого. Их маленькие грудные клетки поднимались и опускались в идеальном, пугающем унисон. словно дышало одно гигантское существо, занявшее место человеческого будущего. Черный микроавтобус без номеров проглотил двоих мужчин. Лариса осталась стоять на крыльце под снегом, понимая, что только что подписала городу смертный приговор, пытаясь его спасти.

Глава 3. Конференц-зал администрации

Внутри старого здания администрации пахло мокрым сукном, пылью десятилетий и отчаянием дешевого кофе. Ветер снаружи сотрясал двойные рамы, создавая фоновый гул, похожий на рев прибора в пустой раковине. Доктор Вадим Колесников встал. Массивный, сутуловатый, в своем старомодном твидовом костюме он выглядел профессором, случайно оказавшимся на собрании колхоза. Но его глаза за стеклами очков были глазами патологоанатома, привыкшего видеть правду, скрытую под слоями мышц и жира.

- Коллеги, - начал он, кладя на стол свою копию папки. Голос звучал низко, заполняя небольшое пространство без микрофона.

- Наш визит вызван аномальной ситуацией. За последние десять лет в этом маленьком городке всплеск рождаемости близнецов достиг сорока процентов. Более того, предварительные отчеты биохимиков показывают следующее: около сорока процентов этих младенцев имеют отклонения на генетическом уровне. А у части из них вообще нет совпадений с человеческими маркерами в ряде аллелей. Мы обязаны выяснить причину, прежде чем процесс станет необратимым.

Он перевел взгляд на Ларису Андреевну, стоящую у стены поодаль от чиновничьего стола. Она комкала край халата, и ткань издавала сухой шелест.

- Вадим Сергеевич... - её голос сел, пришлось прокаш-

ляться. - Каждый день к нам поступают женщины с двойня-ми. Мест не хватает. Сначала думали - временное явление, вода хорошая, экология чистая... Но эти дети странные. У них не только внешнее сходство. Некоторые болеют одинаковыми болезнями одновременно. У них синхронизированы движения. Даже мысли. Матери говорят, что просыпаются от кошмара в слезах и находят своих детей бодрствующими, которые описывают тот же самый сон теми же словами. Словами, которых дети знать не могут.

Мария Полякова подалась вперед. Её кресло жалобно скрипнуло. Худощавая, с короткими русыми волосами, выбивающимися из-под строгой заколки, она смотрела не на врача, а на графики, приколотые к стене кнопками. Её карие глаза, обычно теплые, сейчас напоминали объективы камеры слежения - холодные, сканирующие пространство на предмет уязвимостей.

- А генеалогия? Есть общее звено? Наследственность?

Лариса качнула головой, плечи опустились окончательно, придавливая её к полу.

- Проверяли всё. Ничего. Эти женщины не родственники. У них нет предков-близнецов. Их объединяет только одно: почти все они либо выросли в этом городе, либо вернулись сюда в последние годы перед беременностью. Ради свежего воздуха, дешевой жизни... романтика севера.

Иван Перов поправил очки на переносице. Жест человека, привыкшего держать оружие. Он делал пометки в тол-

стом кожаном блокноте простым карандашом, давя на грифель так, что бумага готова была порваться.

- Вы упомянули синхронизацию мыслей. Как это подтверждено документально?

- Никак, - выдохнула Лариса, закрывая глаза. - Мне сложно объяснить научно. Матери описывают состояние транса. Близнецы начинают говорить одновременно. Одни и те же фразы. Интонация совпадает до обертона. Словно... они подключены к одной розетке.

Колесников нахмурился. Он подошел к столу, взял распечатку хроматограммы, которую привез с собой, и постучал по ней тяжелым пальцем.

- Есть еще кое-что. Биофизика дала ответ сегодня утром. В плазме крови второго ребенка каждой пары обнаружены следы редкоземельных металлов. Лантаноиды. Иттербий. Церий. В концентрациях, невозможных для пищевого усвоения. Особенно высок уровень примесей, характерных для скальных пород этого региона. Кварцевая пыль в артериях.

Мария моргнула. Округлила глаза.

- Минералы? Скальные породы? Откуда? Анализы плаценты исключают внешнее загрязнение образцов. Кровь бралась катетером изнутри...

Все замолчали. Шум ветра за окном внезапно показался оглушительным, сиренным. Атмосфера в маленьком кабинете сгустилась до предела, став осязаемой, густой, как холодный кисель.

Колесников сложил руки на груди.

- Похоже, это не феномен радиации или плохой экологии. Нам нужно проверить состав воды из той самой новой скважины. И организовать экспедицию в горы. Источник минералов находится там.

Лариса посмотрела в окно, на вершины, скрытые тяжелым свинцовым одеялом облаков. В её взгляде читалось облегчение пополам с ужасом. Она боялась этого момента десять лет. Теперь ответственность перешла к людям в дорогих костюмах.

Резкий, властный стук в дубовую дверь прервал тишину. Три удара. Пауза. Один удар. Все обернулись. На пороге стоял пожилой мужчина в засаленной брезентовой куртке геолога. Лицо выдублено морозом и спиртом, взгляд пронзительный, бескомпромиссный.

- Прошу прощения, - сказал он, не спрашивая разрешения войти. - Я знаю, зачем вы тут. Вы думаете, это случайность? Вода плохая? - он коротко, лающе рассмеялся, обнажив металлические коронки. - Может, я ошибаюсь, но кое-что я вам показать должен. Вы должны видеть это сами. Прежде чем судить.

Группа учёных переглянулась.

Иван инстинктивно дернул рукой к поясу, но Колесников остановил его взглядом.

- Кажется, у нас нет выбора, - спокойно произнес доктор. - Ведите.

Мужчина кивнул, натянул облезлую ушанку и вышел в метель. Ученые поспешили следом, кутая горло в шарфы. Никто из них не заметил, как человек в штатском, вошедший с первым докладчиком, достал рацию и тихо произнес в микрофон одну фразу: - Объект снят. Начинайте протокол изоляции архива. Доктора ничего не нашли. Пока.

За окном завывала выюга, замечая следы шин уезжающего микроавтобуса. Город Ханкай готовился ко сну. Но под толщей снега, в темноте древних пещер, что-то огромное и древнее уже проснулось, почувствовав присутствие тех, кто умел читать код.

Глава 3. Тропа предков

Темнота внутри пещеры оказалась живой. Она дышала.

Мария Полякова поняла это, как только луч мощного диодного фонаря пронзил мрак входа, вязнув в густой, влажной взвеси. Воздух здесь не просто пах озоном, как в городе. Он гудел. Низкая, инфразвуковая вибрация входила прямо в грудину, заставляя сердце сбиваться с ритма, пропуская удары.

- Температура падает, - голос Ивана Петрова в наушнике внутренней связи казался искаженным, металлическим.

- Минус десять и продолжает падать. Хотя снаружи ноль. Колесников шел впереди, освещая путь массивным армейским прожектором.

Луч света выхватывал из темноты то базальтовые натеки,

похожие на застывшие органы, то острые зубы сталактитов. Седые виски доктора блестели от пота, хотя в пещере стоял лютый холод. Ему было страшно. Страх профессора отличается от страха солдата - это страх потери контроля над реальностью.

- Шагайте след в след, - бросил пожилой мужчина в старой шапке-ушанке, не оборачиваясь. - Пол неровный. И держите дистанцию три метра. Если кто-то упадет — не бросаться поднимать сразу. Ждать команды.

Они шли гуськом вдоль правой стены. Пещера сужалась, переходя в естественный туннель, потолок которого давил на макушки.

Марии приходилось сгибаться пополам, рюкзак с оборудованием постоянно задевал свод, издавая глухой чавкающий звук. Глина здесь была жирной, маслянистой, она налипала на ботинки пудовыми гирями.

- Эти запахи... - прошептала Мария, стараясь дышать ртом. - Это не сероводород. Это фенолы. Формальдегиды. Концентрации зашкаливают. Будто мы идем по кишечнику мертвого левиафана.

- Или по системе охлаждения реактора, - хмыкнул Иван. Он шел последним, прикрывая тыл. Каждые двадцать секунд он останавливался и светил фонарем назад, в непроглядную тьму прохода.

- Меня больше напрягает эхо. Оно отстает на полтакта. Попробуйте крикнуть.

- Отставить панику, биолог, - огрызнулся Колесников, но сам невольно замедлил шаг. - Просто акустика искривленной полости.

Но Мария знала, что дело не в акустике. Когда она делала вдох, ей казалось, что воздух проходит сквозь фильтры респиратора слишком легко, словно гравитация здесь работала иначе. Каждый шаг отдавался в коленях странной пружинистой легкостью.

Луч фонаря Колесникова вырвал из мрака стену. Все замерли. Это была не пещера. По крайней мере, не естественная. Стены уходили вверх идеально ровным конусом, будто их вырезали гигантским циркулем. Поверхность камня оплавилась, превратившись в черное вулканическое стекло, гладкое, как экран выключенного смартфона. Местами этот слой треснул, обнажая под собой матово-белый материал, напоминающий старую кость.

- Этого не может быть, - выдохнул Колесников, подходя вплотную. Он снял перчатку и коснулся поверхности кончиками пальцев.

- Базальт плавится при тысяче двухстах градусах. Чтобы сделать такой коридор, нужен направленный плазменный резак мощностью с небольшую электростанцию. И возраст этих пород... судя по кристаллизации стекла, им около пяти тысяч лет минимум.

- Посмотрите сюда, - Мария опустилась на корточки. Её научный азарт сейчас боролся с первобытным инстинктом

бежать сломя голову. Она водила лучом по полу.

- Следы когтей. Глубокие борозды. Что-то очень тяжелое волокли отсюда. Совсем недавно. Глина ещё влажная на дне царапин. Иван направил свой фонарь дальше по коридору.

- Там свет, - тихо сказал он. — Впереди. Не электрический. Синее свечение.

Пожилой проводник, шедший всё это время молча, вдруг схватил Колесникова за рукав брезентовой куртки. Хватка у старика оказалась железной. Лицо геолога, до этого непроницаемое, пошло пятнами, губы тряслись.

- Дальше нельзя, - просипел он. - Вы не слышали легенд? Старые удэгейцы называли эти горы Чревом Земли. Они говорили, что внизу живет Каменный Червь, который глотает охотников целиком, оставляя только тени на стенах. Мой дед видел такую тень. Она шевелилась спустя год после того, как человека съели.

- Спасибо за фольклор, уважаемый, - Иван мягко, но настойчиво отвел руку старика от командира. - Мы ученые, а не туристы. Нам платят за риск.

Старик посмотрел на Ивана долгим взглядом, затем сплюнул на оплавленный пол тягучей черной слюной.

- Деньги вам не помогут, солдат. Тот, кого грызет Червь, платит не деньгами. Он платит памятью.

Он отпустил куртку Колесникова и отступил на шаг назад, растворяясь в темноте прохода, откуда они пришли. Никто не попытался его остановить. Синий свет впереди становил-

ся ярче. Теперь к нему примешивался новый звук. Тихий, мелодичный звон, похожий на хруст сотен бокалов из тончайшего стекла, трущихся друг о друга.

- Радиационный фон в норме, - доложила Мария, глядя на дозиметр, хотя понимала бесполезность прибора. - Спектрометр сходит с ума. Он фиксирует стабильные изотопы, которых не существует в природе. Вообще. Нигде.

Колесников поправил очки. Стекла отразили синее сияние, сделав его глаза пустыми провалами.

- Символы, которые нам показывали в архиве... те петроглифы на арке в парке... посмотрите на структуру трещин в этом стекле.

Мария подняла взгляд. Действительно, черные жилы, покрывающие глянцевую поверхность стен, складывались в рисунок. Прищурившись, она узнала фрактальную спираль ДНК, но закрученную в обратную сторону, против часовой стрелки.

- Это карта, - прошептал доктор. - Мы идем по сосуду.

Они двинулись вперед. Звон стеклянных костей нарастал, заполняя черепную коробку, вытесняя мысли. Коридор закончился внезапно. Они вышли в просторный зал, купол которого терялся где-то в сотне метров над головой.

Глава 5. Обелиск

Пространство зала подавляло. Здесь мог бы поместиться собор Святого Петра, и осталось бы место для парковки вер-

толетов. Купол действительно существовал - огромный свод из того же черного вулканического стекла, но теперь Мария увидела, что это не камень.

Высоко над ними, в переплетении титанических балок, пульсировала биолюминесцентная масса. Она сокращалась медленными, волнообразными толчками, прокачивая по капиллярам сине-зеленое свечение. Зал дышал. А в центре стоял Он. Обелиск.

Доктор Колесников сделал шаг вперед, отключив фонарь. Батарея почти села, да и нужды в нем больше не было. Объект излучал собственный холодный, багровый свет. Высота сооружения составляла метров пять. Форма не подчинялась евклидовой геометрии. Казалось, если обойти его кругом, количество граней будет меняться каждую секунду. Металл - если это был металл - не отражал свет, а впитывал его, становясь то темно-вишневым, то цвета запекшейся крови.

Стены вокруг Обелиска были покрыты символами. Но теперь это были не грубые рисунки на камне. Буквы росли прямо из породы, как причудливые кристаллы кварца. Они светились изнутри тусклым багрянцем, и пульсация этого света совпадала с ритмом сокращения свода высоко над головой.

- Господи... -выдохнул Иван, снимая очки и протирая их краем шейного платка. Руки его дрожали.

- Кто мог построить такое здесь? В этом глухом месте, где, кажется, не ступала нога человека?

- Никто не строил, - голос Колесникова звучал странно

спокойно, почти умиротворенно. Он подошел к основанию Обелиска вплотную. – Предположу, оно выросло. Это органическая архитектура. Биомеханический интерфейс.

Мария сделала несколько шагов вбок, обходя конструкцию по кругу. Её внимание привлекли не символы, а пол. Под ногами, сквозь тонкий слой замерзшей грязи, проступала мозаика. Миллиарды микроскопических чешуек, уложенных идеальным шестиугольником. Ульевая структура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.